

Встречи, беседы, интервью

ИСТОРИК А. А. ФУРСЕНКО РАССКАЗЫВАЕТ

В 1999 г. наш журнал из номера в номер в рубрике «Академики об Академии» публиковал ответы выдающихся ученых — членов Российской академии наук — на вопросы ВИЕТ в связи с юбилеем РАН. Мы просили рассказать: 1. Как, под влиянием каких причин, мотивов и жизненных обстоятельств Вы пришли в науку?; 2. Какие открытия отечественных ученых XX в. Вы считаете наиболее значительными?; 3. Какой Вам видится роль Академии наук в истории нашей страны и отечественной науки?; 4. Что Вы думаете о проблемах современной российской науки и ее перспективах?

*Александр Александрович Фурсенко
дает интервью журналу ВИЕТ*

Среди тех, кто любезно согласился принять участие в этой рубрике, был академик-секретарь Отделения истории РАН академик А. А. Фурсенко — воспитанник ленинградской научной исторической школы, крупнейший отечественный американист, специалист по истории России конца XIX — XX вв., истории международных отношений, истории «холодной войны», экономической истории, автор многих индивидуальных и коллективных монографий, археографических изданий и т. д.

Поскольку Александр Александрович живет в Санкт-Петербурге, а в Москве бывает наездами, то 27 октября 1999 г., будучи в столице, он пригласил нас в Отделение истории РАН, где и был записан на аудио и видео его рассказ. Академик Фурсенко — открытый, доброжелательный человек, интересный и яркий собеседник, замеча-

тельный рассказчик. Наверное, поэтому между нами быстро установилась та степень доверия, которая делает возможными полноценное интервьюирование и создание уникального и бесценного исторического источника, запечатлевающего в живом образе и звуке мимолетность бытия.

И получилось так, что время, которое первоначально было запланировано, оказалось превышенным в несколько раз, и под довольно сердитые реплики сотрудниц Отделения наш собеседник сразу от видеокамеры устремился к автомобилю, опаздывая на поезд в Санкт-Петербург. Рассказ А. А. Фурсенко был много шире и объемней, чем ответы на заданные вопросы. Это интервью мы предлагаем вниманию наших читателей.

После нашего знакомства, установки записывающей аппаратуры, с которой работала научный сотрудник Информационно-аналитического центра «Архив науки и техники» ИИЕТ РАН О. А. Валькова, А. А. Фурсенко взял инициативу на себя и начал говорить.

Вы просите рассказать об открытиях. Мне трудно об этом судить. Я, например, считаю большим открытием работу наших археологов по берестяным грамотам, это важное открытие, которое позволило заглянуть в русскую старину, в историю наших предков, понять, как они жили. Я считаю, что открытия бывают большие и малые. Например, недавно у нас побывал в гостях в институте президент РАН академик Ю. С. Осипов. Мы ему показали документы нашего архива и говорим: «Вот документ об основании Академии наук — обращение Петра I к князю Куракину подыскать подходящих людей, кандидатов в Академию наук, им только что создан и подписан указ». Президент в ответ: «У нас нет ни одного документа с подписью Петра. Меня в Министерстве финансов спрашивали, а кто вас учредил? Давайте правительство вас учредит». — «А мне не нужно, чтобы нас правительство учреждало, нас Петр I учредил. Вы знаете, это единственный документ с подписью Петра I». Мы и сами не знали, что это единственный документ. Вот вам и открытие — небольшое, но открытие. У нас в архиве есть автографы Наполеона, Ньютона, новгородские с незапамятных времен грамоты, материалы Соловецкого монастыря, самые различные документы по истории России и Западной Европы, есть, например, большая коллекция папских булл XI–XII веков...

— *Это коллекция Н. П. Лихачева?*

Да, это лихачевская коллекция. Мы показали президенту реставрированный экземпляр буллы и не реставрированный. Он спросил, сколько стоит такая реставрация. Объяснили, что реставрация только одной буллы стоила 3,5 тысячи рублей. На что Ю. С. Осипов сказал: «Это же копейки. Одна булла оценивается американцами в миллион долларов, она уникальна — больше булл этого папы за XI век не сохранилось». Он пообещал: «Мы найдем деньги, но сколько у вас таких документов, которые требуют срочной реставрации?». — «5 тысяч». — «Ну на 5 тысяч денег не найти...».

— *Это рукописное собрание института?*

Да, это рукописное собрание Санкт-Петербургского филиала Института российской истории.

— *А в Вашей области открытия?..*

В моей области за последнее время много открытий. Я считаю, самое большое открытие, что мы попали в советские архивы: партийные архивы, архив внешней разведки, где я работал. Там много нового. Недавно я занимался документами архива Сталина — там тоже весьма интересные вещи.

— *Последние его годы или вообще?..*

Последние дни его жизни. Любопытно, что окончательный документ о его болезни и смерти был составлен через 4 месяца после смерти, а медицинский журнал, который велся во время его болезни 2–5 марта 1953 г. уничтожен.

— *Он умер или был отравлен?*

Я думаю, умер, он был очень больным человеком. В 1946 г. в Грузии его осматривал врач Кипшадзе, и он констатировал сильную изношенность организма. В дальнейшем В. Н. Виноградов — его лечащий врач, который был арестован по «делу врачей», — подтвердил серьезные неполадки со стороны желудка (понос до 20 раз в день). Выступление Сталина на Октябрьском пленуме 1952 г., после XIX съезда партии, сохранилось только в записи К. Симонова, тогда кандидата в члены ЦК. А недавно в «Общей газете» воспроизведены записи академика Румянцева, который был членом ЦК. Эти записи свидетельствуют, что Сталин был мрачен, суров и беспощаден в своей критике Молотова, Микояна... Он говорил о расколе партии, говорил, что необходимо изменить порядки... Понятно, что это могло означать, — репрессии.

Если говорить о моей личной судьбе, то я бы сказал, что в моей жизни исключительно большую роль сыграли два человека: это мой отец, который был геологом, он занимался разведкой нефти и заведовал лабораторией микропалеонтологии — это наука об ископаемых фораминиферах. Если эти ископаемые находились в разведанном пласте, значит, где-то близко была нефть. Мой отец организовал целую сеть лабораторий по всей стране, был инициатором и активным участником в этой области. Микропалеонтология получила широкое распространение. Его пример для меня был важен. Я всегда видел его либо сидящим за письменным столом, либо, если его не было дома, он работал в Нефтяном институте в своей лаборатории, которую он создал и возглавлял много лет. Летом он уезжал в экспедиции, обычно в Казахстан, ездил на Ухту и в другие районы. В принципе, я должен был пойти по его стопам. Я уже бывал в экспедициях. Начиная с 13 лет работал коллектором. Позднее, уже в возрасте 16–17 лет — прорабом в экспедиции по геологической структурной съемке местности. Это были экспедиции по разведке нефти. Рабочие рыли шурфы, а геологи по найденной в них породе определяли, к какому периоду относятся обна-

руженные пласты. Во время войны я работал в экспедиции, где разведка производилась бурением. Моя задача была собирать породу, объезжал скважины на лошадях. Скважины находились на большом расстоянии друг от друга. Работали целый день, жаркое лето, сухое. Очень хотелось пить. Я мог напиться сразу, по возвращении в лагерь экспедиции, а лошади нужно простоять час-полтора, после чего ей можно было пить.

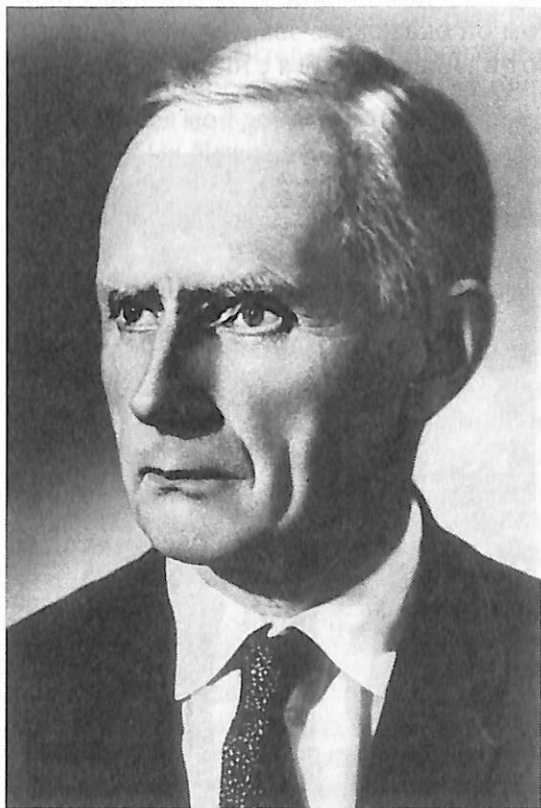
Отец хотел, чтобы я стал геологом, чтобы я, так сказать, был его последователем. Но в 10-й класс школы пришла совершенно замечательная учительница Наталья Александровна Омелянская, которая пробудила такой интерес к истории, что в один прекрасный день я пришел к отцу и сказал: «Я не пойду на геологический факультет, я хочу стать историком». Он ответил: «У нас в семье свобода. Если ты решил и это обдуманное решение, то желаю тебе успеха».

В 1946 г. я поступил в университет... Увы, при поступлении по основному предмету — истории — я получил тройку. Но тогда были иные времена. Остальные предметы я сдал хорошо, и меня приняли. Сначала я учился на кафедре новой и новейшей истории. В следующем году была образована кафедра истории международных отношений и я перешел на нее. Когда я с отцом обсуждал, чем же я стану заниматься, он сказал: «Советую заняться интенсивно изучением иностранных языков». Сам он знал хорошо греческий, латынь, западноевропейские языки, закончив классическую гимназию Мая. Он понимал, как много значит язык и какой это важный ключ, какие двери знание иностранных языков может открыть ученому. Это была его первая рекомендация. Вторая — была не менее важной: «Мы очень мало знаем о США, с которыми были союзниками во Второй мировой войне. Если займешься историей Соединенных Штатов, то многое откроется». Я действительно стал заниматься историей США уже с первого курса, начал читать книги. В основном это были переводные издания по истории. Первой книгой, которую я прочел, была книга Фолкнера — американского историка и экономиста — «История народного хозяйства Соединенных Штатов», потом книга Богарта, тоже переводная, по истории Соединенных Штатов. По мере того, как я изучал английский язык в университете (до этого я его не знал), начал читать английские, сначала более легкие, потом более сложные книги.

Как-то — я был тогда на втором курсе университета — я пришел домой, отец открыл программу докладов на Годичной студенческой конференции и спросил, почему меня нет в этом списке. Я ответил: «У меня нет еще доклада». — «Но тема уже есть?». — «Есть». — «Чтобы в следующем году в этой книжке я нашел и твой доклад...».

Чтобы закончить тему о том, как складывались мои отношения с отцом и какое влияние он на меня оказал, я могу добавить, что он был нефтяником. Отец рассказывал, что в 30-е годы, когда он начал ездить в экспедиции в Казахстан, они заворачивали селедку в архивные документы. «Не представляю себе, вот вы, историки, занимаетесь этими сюжетами — что вам осталось?». Как раз в то время я начал изучать в нашем Петербургском архи-

ве документы о конкуренции на мировом рынке между российскими и американскими компаниями. Дело в том, что в конце XIX — начале XX веков крупнейшими производителями нефти были две страны: Россия и Америка. В самом начале XX века в течение двух или трех лет Россия даже опережала Америку по добыче нефти. И когда я ему сказал об этом, он посоветовал: «Ты работал в экспедициях по разведке нефти, и хорошо было бы написать книгу по нефтяной истории». Моя докторская диссертация была посвящена теме «Нефтяные тресты и мировая политика». Мы ходили с отцом каждую субботу в баню — то было основное время общения с ним. Он дал совет, и совет этот реализовался. Нефтяная тема оказалась очень интересной, это была золотая жила: отношения банков, промышленности, правительства. Я занимался этим с большим энтузиазмом. Мой отец, геолог-нефтяник, был тем человеком, который посоветовал мне заняться нефтяной историей.

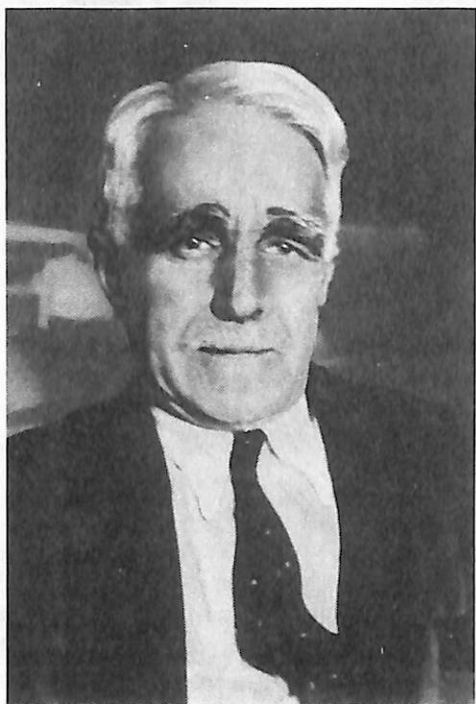

*Александр Васильевич Фурсенко
(1903–1975)*

Вторым человеком, который оказал колоссальное влияние на всю мою жизнь, на научную, и не только научную судьбу, но и на формирование моего характера, нравственных устоев, отношения к людям, жизни, системе ценностей — моральных, этических, научных, — был мой научный руководитель профессор университета, одновременно работавший в Академии наук, Борис Александрович Романов.

Б. А. Романов был для меня человеком не менее близким, чем родной отец, в каких-то отношениях даже более близким. Он уделял своим ученикам, — нас было пятеро, а детей у него не было, — все то время, которое мог физически уделить. Мы каждый день разговаривали с ним по телефону и каждую неделю по очереди бывали у него дома. Это была школа. Не могу сказать, что, когда мы с ним разговаривали, он нас учил каким-то конкретным вещам, нет, мы просто обсуждали самые разные вопросы, связанные с работой и жизнью. Он сам прошел трудный путь, был арестован по акаде-

мическому делу в 1930 году, просидел 13 месяцев на Шпалерной в камере предварительного заключения, а потом сослан. После ссылки выслан на 101-й километр. И когда он вернулся накануне войны в Ленинград, то это уже был немолодой, хотя еще и не старый, но очень больной человек. Потом он оказался в эвакуации в Ташкенте, затем вернулся в Ленинград. И вот в университете я с ним и познакомился. Человеческие судьбы и жизни

*Борис Александрович Романов
(1889–1957)*

пересекаются часто совершенно необыкновенным и случайным образом. Оказалось, что он был в близких товарищеских отношениях с отцом моей мачехи Борисом Владимировичем Александровым. Правда, к тому времени, когда это обнаружилось, я уже был с ним знаком. Одному из моих друзей, его учеников, он как-то сказал: «Я присмотрел человека и забросил удочку, посмотрю — клюнет ли». К этому времени я был готов. Когда мы встретились, он спросил, чем я занимаюсь. Сам он написал несколько книг по истории международных отношений на Дальнем Востоке. «История Маньчжурии» была написана еще в 1928 г., затем «Очерки дипломатической истории Русско-японской войны» — в 1947 г. Я сказал, что хотел бы заниматься Америкой. Он предложил изучать историю американской политики на Дальнем Востоке. В качестве темы посоветовал

«Американскую доктрину открытых дверей 1899 г.». Поскольку американская политика была главным образом направлена на открытие дверей Маньчжурии, которая считалась русской сферой влияния, большое количество документов отложилось в архиве Министерства финансов. Более того, министр финансов Сергей Юльевич Витте практически был министром иностранных дел по делам Дальнего Востока. Я занялся этой темой и обнаружил в архиве богатейший материал. Борис Александрович руководил моей работой, хотя формально моим руководителем был достаточно известный профессор-международник Николай Павлович Полетика, у которого я учился на спецкурсах и семинарах. Он был специалистом по причинам Первой мировой войны. Были изданы серии документов — французских, английских, немецких. Н. П. Полетика был большим знатоком сравнительного анализа документальных публикаций, на основании кото-

рых строил свои научные изыскания. У него есть книга по истории начала Первой мировой войны. Таким образом, я как бы сидел на двух стульях. Формально я являлся учеником Николая Павловича, с которым были добрые и теплые отношения и у которого я многому научился. Это было полезно. Но моим настоящим учителем, и я считаю себя его учеником, был Борис Александрович Романов. Он был моим руководителем в аспирантуре и в университете тоже. Могу сказать, что я смог предъявить своему отцу на следующий год книжечку, в которой значился мой доклад о «доктрине открытых дверей» в Китае. Руководителем был Николай Павлович. Я ему сказал, что обязательно хочу выступить на конференции, хочу представить доклад, но он требовал предъявить текст. Я спросил, а нельзя ли подать заявку, чтобы меня включили в программу. Он твердо ответил: «Нет. Только после того, как я прочту ваш текст».

Настал последний день, когда решался вопрос, включат мой доклад в программу или нет. У меня готова была основная часть доклада, но не было концовки. Полетика просил прочесть ему написанное. Мне этот эпизод запомнился на всю жизнь. «Вы наш брат, — сказал он, — у вас дело пойдет, можете включать доклад в программу конференции». Я сообщил Борису Александровичу об этом. Перед защитой дипломной работы я спросил его, не нужно ли все-таки сказать, что он тоже был моим руководителем? Он ответил: «Не надо этого делать. У меня с Николаем Павловичем добрые отношения. Вы его студент. Я вами формально никогда не руководил, просто занимался с вами, давал советы. Поэтому пусть Николай Павлович остается вашим руководителем».

Но примерно за год до окончания университета стараниями Бориса Александровича Ленинградское отделение Института истории направило письмо в Министерство высшего образования с просьбой после окончания университета распределить меня в Академию наук. В декабре 1950 г. пришел ответ, чтобы после окончания университета я был послан в распоряжение Академии наук для поступления в аспирантуру. Я выдержал конкурс. Правда, конкурс был небольшим — всего 2 человека. Я сдал все экзамены на отлично, кроме философии. Это был трудный экзамен. После сдачи экзаменов меня зачислили в аспирантуру и моим научным руководителем официально стал Борис Александрович.

Я был зачислен в аспирантуру с 1 ноября 1951 г., а ровно через 3 года, 1 ноября 1954 г., защитил диссертацию. Поскольку в то время еще по решению сталинского ЦК Ленинградское отделение Института истории было закрыто, мы все были как бы переведены в Москву. Мне пришлось защищать диссертацию в Москве. После защиты я вернулся в Ленинград, получил полагающийся месячный отпуск, а с 1 декабря 1954 г. стал младшим научным сотрудником.

В принципе, дорога была вполне благополучной. После защиты Борис Александрович предложил опубликовать диссертацию, чем я и занялся. Через несколько месяцев я ее сдал в издательство, и в середине 1956 г. вышла книга «Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых

дверей». Это была моя первая книга. А следующая — была посвящена нефтяной проблеме. Когда меня принимали в институт, директор института Н. Л. Сидоров, который придавал большое значение публикации документов и работе в архиве, сказал: «Я вас зачислю на половину ставки по сектору Америки, а на другую половину — по сектору публикации источников». Должен сказать, что это было замечательно, потому что я получил возможность регулярно работать в архиве под руководством моего учителя, который в начале 20-х гг. начинал свою карьеру с работы в Центрархиве. Я трудился в тех самых архивах, которые он в 1924 г. спасал от наводнения. Я читал эти документы и каждый раз думал о том, какую роль сыграл этот человек в моей жизни. Когда книга о «доктрине открытых дверей» была готова, он, естественно, стал ее ответственным редактором. К сожалению, Борис Александрович прожил недолгую жизнь. Он скончался в 1957 г. Память об этом человеке осталась навсегда, и преданность ему жива в каждом из нас, его учеников. Уже нет в живых его самого первого ученика — бывшего директора нашего отделения Николая Евгеньевича Носова, но остальные четверо — мы каждый год собираемся в день его рождения вместе, для того чтобы вспомнить и поговорить о своем учителе. Двое его учеников академики — Б. В. Ананич и я, третий член-корреспондент — Рафаил Шоломович Ганелин, четвертый доктор наук — Виктор Моисеевич Панеях. Каждый год в день смерти Бориса Александровича мы ездим на кладбище. Поставили ему памятник и сажаем цветы. Память о Б. А. Романове для нас священна. Как сказал один из его учеников: «В этот день явка обязательна».

Во многих отношениях Борис Александрович был уникальным человеком. Не знаю, есть ли еще такой специалист-историк, который рискнул на основе анализа летописных источников нарисовать портрет жителя Древней Руси (я имею в виду его замечательную книгу «Люди и нравы Древней Руси»). Эта книга в свое время подверглась критике и была разгромлена как антипатриотическая. Она была его самой любимой книгой. По иронии судьбы только через несколько месяцев после его смерти Дмитрий Сергеевич Лихачев на заседании, посвященном памяти Б. А. Романова, прочел доклад об этой книге и опубликовал потом большую рецензию на нее, как на выдающееся и совершенно уникальное произведение нашей историографии. Одновременно Борис Александрович занимался, так сказать, современностью. В 1928 г. он выпустил книгу «Россия в Маньчжурии». Со времени Русско-японской войны тогда прошло всего 23 года. Недавно в соавторстве с американским историком Т. Нафтали мы выпустили книгу о Кубинском кризисе 1962 г. Со времени Кубинского кризиса прошло уже более 35 лет. Но власти предрержащие считают, что это событие недавнего прошлого, поэтому доступ к архивам затруднен. А тогда была другая ситуация — открылись все царские архивы, и Борис Александрович как сотрудник Центрархива смог этим воспользоваться. Как он сам рассказывал, днем он работал в архиве, а ночами писал книгу, тем самым заложив фундамент своих последующих работ в этой области.

Что касается моей дальнейшей судьбы, то, когда я поступал в Институт истории, кроме обязательства работать в архиве, мне в секторе Америки поставили ультимативное условие. Тогда готовился двухтомник очерков истории Соединенных Штатов. Мне сказали: «Некому писать первые главы истории колониального периода и американской войны за независимость». Я никогда не занимался этим периодом, не был уверен, сумею ли что-нибудь сделать. Бросился к Борису Александровичу в панике, не знаю как быть и вообще не хочу этим заниматься. На это он мне ответил: «Не хотите, но этим заниматься нужно. И более того, это полезно для вашего образования. Нужно учиться и дальше. Когда напишете эти главы, то вы увидите, как много нового вы узнали и как многое вас научило по-новому смотреть на историю».

Он оказался прав. Тема замечательная, я занимался ею и потом, много раз возвращался к ней. В четырехтомном издании «Истории Соединенных Штатов» я написал главы об американской революции и конституции США; опубликовал в 1961 г. небольшую брошюру по американской революции XVIII в., а в 1978 г. — книгу «Американская революция и образование Соединенных Штатов Америки», которая была приурочена к 200-летию провозглашения Декларации независимости и образованию Соединенных Штатов. В 1976 г. я был приглашен в исследовательский центр Вудро Вильсона в Вашингтоне в составе международной группы, которая работала по так называемому «двухсотлетнему проекту». В результате этой поездки и появилась книга, вышедшая в свет через два года после юбилея.

В развитие этой тематики я добился того, что после десятилетних усилий мы перевели на русский язык и опубликовали в «Памятниках исторической мысли» «Заметки о Штате Виргиния» Томаса Джефферсона. Эту работу мы выполнили вместе с моим учеником В. Н. Плешковым, ныне доктором исторических наук и директором Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

Я много раз бывал в Соединенных Штатах. Первый раз поехал туда в командировку в 1959 г. в качестве гида-консультанта большой советской выставки в Нью-Йорке. В отделе науки этой выставки было два стенда «Историческая наука в СССР», и я был единственным консультантом при этих стендах.

Это было одно из самых трудных испытаний в моей жизни. Я работал на выставке 3 месяца, была страшная жара; очень неблагоприятный политический климат. Было очень много перемещенных лиц, нас атаковали. Мне был 31 год, и для меня это было суровым испытанием. Когда академик-секретарь Отделения истории АН СССР Евгений Михайлович Жуков представил мою кандидатуру, куратор из ЦК сказала: «Он нам не подходит. Он еще ни разу не был за границей, и что же мы его первый раз посылаем, и сразу в Америку?». На это Жуков сказал: «Я вам другой кандидатуры не дам». Так я поехал первый раз в США.

Это было время перемен. Наступила оттепель. Пришел к власти Хрущев. Он сам в 1959 г. осенью посетил Америку. Тогда наступила разрядка

в наших отношениях с Америкой. Несмотря на то что нам приходилось трудно на выставке, отношения между СССР и США быстро менялись.

Потом в 1968 г., когда я отправлялся в 6-месячную командировку в Соединенные Штаты, Е. М. Жуков дал мне важный совет: «Вы уже доктор наук, сделали для себя все, что могли, а теперь, я советую, в вашем новом положении можете позволить себе заняться современными проблемами. Вы едете в период президентских выборов, напишите о современной Америке, которая переживает бурное десятилетие. Напишите книжку об этом». Так в 1974 г. появилась книга «Критическое десятилетие Америки. 1960-е годы».

А до того, сразу после защиты докторской диссертации о нефтяных трестах, мой оппонент, ныне покойный, академик А. Г. Милейковский, посоветовал: «Вы написали большую книгу о нефти, напишите книгу о Рокфеллерах». Я сразу взялся за эту тему.

Приехав в 1968 г. в Америку, я попытался получить доступ к архиву Рокфеллеров. Я отправился прямо в Рокфеллеровский центр. Там меня встретил руководитель по общественным связям семейства Рокфеллеров Стивен Дэвид: «Мы знаем о вашей книге, но не считаем ее справедливой по отношению к семейству». Я возразил: «Мы живем в разных странах, у нас разные представления. Я старался быть объективным, следовал только фактам, и весь мой материал почерпнут только из американских источников. Я прошу вас показать мне офисы. Знаю об их расположении по книгам и фотографиям. Если вы мне дадите какие-то документы, буду признателен». Он ответил: «Ничего не могу обещать, позвоните через неделю».

Нас тогда принимала такая организация, как Институт международного образования. Я обратился к своему куратору и рассказал, что в Рокфеллеровском центре, наверное, ничего не получится, там плохо отнеслись к моей книге. Она предложила: «Давайте я позвоню, чтобы у вас не было неприятного осадка от разговора». Как только я пришел в гостиницу раздался звонок: «Г-н Фурсенко, у меня для Вас хорошая новость. Они Вам разрешили».

На следующий же день я полетел туда и мне вручили меморандум. В нем было сказано, что, посоветовавшись, братья Рокфеллеры решили допустить меня в семейный архив; что я первый иностранец, который получает это разрешение, но условия таковы: все выписки я должен делать на английском языке; все, что мне будет запрещено публиковать, я не должен публиковать... После этого мне показали помещения офисов...

Через 2 дня я уже сидел в архиве, проработав там 4 месяца. Архивист Рокфеллеров доктор Джозеф Эрнст оказался человеком уникальных дарований. Он знал и помнил абсолютно все — где какие документы, папки... Он сам потом компьютеризировал архивное собрание. Сейчас он на пенсии, но мы до сих пор с ним переписываемся. Вначале он встретил меня враждебно. Потом мы стали близкими друзьями, он приезжал в гости ко мне в Ленинград, я его принимал. Как-то он меня позвал к себе и говорит: «Я не знаю, вам звонят всякие знаменитости. Вот вы с Рестоном разговари-

вали, со Шлезингером... Может быть, вы согласитесь приехать ко мне на уикенд на дачу». Я ответил: «Вы для меня важнее любой знаменитости. Из ваших рук я получаю документы». Я провел с его семьей уикенд. Его жена и дети устроили мне замечательный концерт. Все вместе они играли и пели. Мы очень подружились с ним.

Запрещающим условием работы в архиве было снятие ксерокопий. Однажды я обнаружил в архиве письма представителя американской молодежной христианской организации в Петрограде, который писал жене об обстановке после октябрьского переворота 1917 г. Необыкновенно интересные и живые письма. Они попали в руки американского главнокомандующего в Европе генерала Першинга. Думаю, они были перлюстрированы. Текст их, перепечатанный на гектографе, по-видимому, был послан Рокфеллеру. Оба они состояли в организации «Гражданский союз». Впоследствии я провел целую исследовательскую работу по этим письмам и опубликовал о них статью. Оказалось, что вдова этого человека еще жива. Мои американские коллеги помогли найти дополнительные данные. Я попросил Эрнста, нельзя ли в виде исключения снять ксерокопию. Он ответил: «Нет». 11 ноября у меня был день рождения, и я предупредил, что завтра не приду в архив. Он предложил: «Зайдите утром, потом сразу уйдете». Когда я пришел, он преподнес мне ксерокопию в подарок.

Так что мой опыт общения с американцами, а в Америке с тех пор я побывал 25 раз, показал, что с ними легко найти общий язык. Я хорошо знаю историков, знаком и с политическими деятелями, в основном либерально-демократического направления. Это профессура, советники президентов. Я знаком со многими советниками Джона Кеннеди. С некоторыми из них установились дружеские отношения. Одним из самых важных событий в моей жизни была работа над книгой о Кубинском кризисе. Меня допустили к советским партийным архивам и документам внешней разведки. Работа над этой темой была для меня целой эпопеей. Историей Кубинского кризиса я заинтересовался со времени его возникновения, но доступ к документам получил лишь много лет спустя.

В 1989 г. в Москве состоялась встреча участников Кубинского кризиса, на которую пригласили нескольких ученых. Это были еще советские времена. В состав делегации включали только тех, кто был утвержден Политбюро. Я позвонил Ф. М. Бурлацкому, который был одним из активных участников конференции. Он сказал: «Вообще-то мы искали историка, но сейчас уже поздно. Мы не сможем вас включить». Но я хотел попасть на конференцию и спросил его: «А кто председатель оргкомитета конференции?». Оказалось, что им был Евгений Максимович Примаков, которого я хорошо знал.

Я спросил также Бурлацкого: «А Большакова вы пригласили?» В ответ я услышал, что Бурлацкий не знает, кто такой Большаков. Тогда я сказал довольно дерзко: «Если вы не знаете, кто такой Большаков, то вы вообще не знаете самого важного о Кубинском кризисе». Из американских книг я уже знал, что военный разведчик полковник Большаков был связным

между Кеннеди и Хрущевым. В тот же день я позвонил Е. М. Примакову. Он объяснил примерно то же самое, что и Бурлацкий: «Нужно решение Политбюро. Уже поздно». Но обещал включить меня в список участников конференции. Я спросил его также о Большакове. В отличие от Бурлацкого Е. М. Примаков хорошо знал, какую роль играл этот человек. Через несколько дней он позвонил мне, а затем прислал телеграмму с приглашением на конференцию. Я до сих пор испытываю чувство глубокой признательности к Евгению Максимовичу за это приглашение. Пригласил он и Большакова, благодаря чему я смог познакомиться с ним. Через 5 месяцев Большакова не стало.

Интерес к Кубинскому кризису на этой встрече (а она была потрясающей, я до этого прожил 3 месяца в Соединенных Штатах, все было забыто по сравнению с теми двумя днями, которые я провел на конференции) был огромный: там открыто говорили о том, сколько ракет, какой контингент войск, что предпринимали мы, что — американцы... Только из выступлений кубинцев мы не узнали ничего нового. Но то, что рассказали советские и американские представители, особенно советские, меня просто изумило. На этой встрече присутствовали бывшие участники, все, кто были живы: Громыко, Добрынин и ныне здравствующий посол на Кубе Алексеев, наши военные. С американской стороны: советники Джона Кеннеди Мак Джордж Банди и Теодор Сорансен (которого Кеннеди называл «мой интеллектуальный банк»), там было огромное количество людей. С кубинской стороны был бывший начальник Генерального штаба Арагонос, один из ближайших соратников Ф. Кастро — Х. Рискет. Это была весьма представительная встреча.

Сразу после конференции я сел за стол и написал очерк «На краю пропасти» для журнала «Звезда» (№ 9, 1989). После этого у меня возникло желание подробно написать о встрече резидента КГБ в Вашингтоне А. Феклисова с телевизионным репортером «Эй-Би-Си» Джоном Скали, в ходе которой обсуждалось решение об урегулировании Кубинского кризиса. Он работал в Вашингтоне под фамилией Фомин. Я просил Службу внешней разведки и руководителя ее пресс-центра дать мне только одну телеграмму Фомина об этой встрече. Мне было отказано: «Это секретно, шифр до сих пор действует». Я не верил: «Глупости, в век, когда работают ЭВМ, старый шифр не может не быть раскрыт, он раскрыт наверняка. И потом, дайте мне в парафразе эту телеграмму, я хочу видеть, что написал Фомин—Феклисов». Они мне категорически отказывали: «Приезжайте через неделю». Я приезжал через неделю из Ленинграда. Затем назначали снова через неделю, снова через неделю. Потом заявили: «Вы злоупотребляете нашим добрым отношением». Я возмутился: «Я злоупотребляю вашим добрым отношением? Я с вами не желаю разговаривать вообще. Вы меня заматали. Я езу из Ленинграда в Москву, надеясь получить одну телеграмму. Вы мне ее не даете».

Все решило мое обращение к пресс-секретарю Е. М. Примакова — Т. В. Самолис. Она ему передала мою просьбу, и Примаков немедленно от-

кликнулся: «Я его хорошо знаю. Это вообще неплохой человек и ученый. Почему не дать ему возможность познакомиться с документами?».

Я позвонил в пресс-центр Службы внешней разведки. Мне сказали: «Мы дадим вам документы. Вы включены в проект, который создан СВР совместно с американским издательством “Краун”. Вы должны написать книгу в течение трех лет».

Через некоторое время меня пригласил Е. М. Примаков. Он дал несколько советов, сказав, что было много желающих участвовать в этом проекте, и люди почтенные, хорошие писатели. «Но вы так настойчиво добивались, что решили отдать предпочтение вам».

В 1997 г. вместе с американским профессором Т. Нафтали мы опубликовали в США книгу о Кубинском кризисе 1962 г. В России она вышла в 1999 г. под названием «Адская игра» — это цитата из Кеннеди. Когда президент Кеннеди выступал перед лидерами Конгресса за час до своего обращения к народу, он сказал, что может отдать приказ о посылке бомбардировщиков, чтобы бомбить места расположения ракет. Но президент не был уверен, что известны все места расположения ракет. А в этом случае — это «адская игра». Мы долго искали название для книги, остановившись в конечном итоге на этих словах Кеннеди. Должен признать, что разочарован в русском издании. Издательство «Гея» молодое, большое количество опечаток, перевод далеко не блестящий. Даже исправленные ошибки (была единственная корректура) не были учтены. Я выпустил дюжину книг в издательстве «Наука» и привык к щепетильному отношению со стороны редакторов. Когда я увидел такое количество опечаток, я спросил: «Корректор разве не читал?». Мне ответили, что «не было времени, потому что либо надо было срочно сдавать книгу в типографию, либо она вообще не была бы напечатана». Издательство «Гея» сожалело, что взялось за такую сложную книгу с большим справочным аппаратом.

Но книга вышла. Она была хорошо принята за рубежом. Появилось несколько десятков рецензий — в американских, английских и немецких журналах и газетах.

Хочу вернуться к вопросу о Большакове, чтобы закончить его историю. После выхода книги я напечатал специально посвященную ему статью в журнале «Звезда» — «Большаков, связной Хрущева с Президентом Кеннеди». Дело в том, что заслуги Большакова, а они у него были немалые, никем не были отмечены. После публикации статьи усилиями ряда влиятельных лиц из администрации президента и правительства Большаков был представлен к правительственной награде и посмертно награжден Орденом Почета. Следует подчеркнуть, что у Большакова были большие заслуги перед страной. При его посредничестве была дважды предотвращена опасность конфликтов, которые могли перерасти в третью мировую войну — один раз в Берлине в 1961 г., другой раз на Кубе в 1962 г.

После опубликования книги об истории Кубинского кризиса я решил продолжить изучение истории «холодной войны» и написать книгу о трех кризисах — Суэцком 1956 г., Берлинском 1961 г. и Кубинском 1962 г.

Я решил продолжить эту работу вместе с Тимоти Нафтали, моим прежним соавтором. В качестве введения мы написали о предыстории хрущевского периода, о «холодной войне» сталинского времени. По случайному совпадению я был включен в комиссию по архиву Сталина. Знакомясь с документами этого архива, я обнаружил в нем большие изъяны. В частности, оказалось, как я уже отмечал, что заключение о болезни и смерти Сталина было сфабриковано. На июньском Пленуме ЦК 1957 г. Молотов обвинил Хрущева в том, что, будучи председателем комиссии по архивам Сталина, он ни разу не собирал членов комиссии. В связи с этим возникает большое количество вопросов, ответить на которые пока не представляется возможным из-за того, что многие важные документы, по-видимому, были уничтожены.

— *Это когда будет опубликовано?*

Это уже опубликовано в журнале «Звезда», № 12 за 1999 г. Я собираюсь продолжить эту работу. Но уже сейчас могу сказать, что нет сомнений в том, что Сталин умер естественной смертью. Я не вижу никаких доказательств распространенной версии, что его отравили, хотя несомненно, что в течение 12 часов, после того как случился инсульт, он оставался без врачебной помощи.

Говоря об открытиях наших ученых, занимающихся историей XX в., следует подчеркнуть, что эти открытия оказались возможными потому, что мы получили доступ к ранее закрытым советским архивам. Мы очень многого просто не знали. Ведь если когда-то сенсацией прозвучала книга Рыбакова «Дети Арбата», то сейчас основанные на ранее закрытых архивах документальные публикации и исследования историков многократно перекрыли воображение писателей. Мы узнали совершенно новые вещи, о которых никто даже не подозревал. Никто не мог подумать, что мы сможем получить в руки эти документы. Мы их получили, хотя последнее время наметилась тенденция к закрытию ранее открытых материалов, — явный откат от курса на открытие архивов.

Возвращаясь к теме об открытиях историков за последние годы, я бы назвал открытие и прочтение берестяных грамот академиком В. Л. Яниным — нынешним руководителем новгородской археологической экспедиции. Думаю, что это следует поставить на первое место. Важное открытие сделали и сибирские археологи — академики А. П. Деревянко и В. И. Молодин. Это раскопки Пазарыкских курганов в зоне вечной мерзлоты, где сохранилась даже одежда. Другой пример из области востоковедения. Наши востоковеды смогли расшифровать и прочесть ранее неизвестные клинописные тексты. Это заслуга недавно скончавшегося Игоря Михайловича Дьяконова и его ученика Мухамеда Дандамаева. Член-корреспондент РАН Дандамаев сейчас стал главным в мире специалистом по расшифровке клинописи.

За последние десятилетия радикально изменилась и наша техническая база. Никогда не мог себе представить, что важнейшим орудием производства историка станет компьютер.

Несмотря на то что в 1996 г. я был избран академиком-секретарем Отделения истории РАН, я сохранил за собой Отдел всеобщей истории в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории. Это небольшой отдел, в котором работают люди разных специальностей по истории Византии, Средних веков и Нового времени. В отделе несколько американистов. Это мои ученики. Вместе с ними мы выпустили 3 года назад «Словарь американской истории». Это стоило нам колоссальных усилий. Словарь охватывает период с колониальных времен до 1918 г. У нас нет специалистов по новейшему периоду. У нас небольшой центр по изучению ранней американской истории. Я очень ценю свой институт. Он невелик по размеру, но там работают преданные науке люди. Много крупных ученых с мировым именем.

Вообще петербургская школа всегда была значительно менее идеологизированной, более эмпирической. Помню, как один из московских коллег, довольно близкий мне ученый, сказал: «На что вы способны там, в Ленинграде? Вы ведь неспособны на большие теоретические обобщения». На что я ответил: «Да, мы в основном копаемся в архивах». Но прошли годы, и оказалось, что теоретические обобщения стоят меньше, чем наши архивные изыскания. Борис Александрович Романов, который для меня остается всегда примером и в жизни, и в науке — везде, он говорил: «Изучайте документы, анализируйте, сопоставляйте, никогда не верьте одному документу, сравнивайте, складывайте и потом думайте, к каким выводам вы можете прийти. Вот это ваша основная работа». Романов был выпускником Петербургского университета, он учился у таких корифеев, как А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов и других. Мы — его наследники, у нас тоже есть ученики, которых мы стараемся направить по этому пути, хотя не знаю, насколько нам это удастся. Я помню, как, выступая после XX съезда КПСС, академик Леон Абгарович Орбели сказал, что он считает главной задачей ученого — вырастить ученика, который превзойдет его. Борис Александрович Романов многое в нас вложил, многое сделал, но, боюсь, никто из нас его не превзошел. Это не от него зависело.

Что я думаю об Академии наук и какова ее роль в истории нашей страны и отечественной науки? Во-первых, я должен сказать, что работаю в Академии наук с 1951 г. — когда я стал аспирантом, с 1954 г. — научным сотрудником. Академия наук — совершенно замечательное учреждение. Это учреждение, которое создает благоприятные условия для научно-исследовательской работы, в котором очень высокие требования к стандарту научных исследований. На моих глазах из института, где я проработал всю жизнь, вылетело несколько человек за невыполнение плана, за плохой уровень исследований. Могу сказать, что суд нашего Ученого совета беспощадный. Мы прокатывали людей при очередной переаттестации, и их увольняли. Таких случаев было несколько.

У нас всегда был достаточно строгий отбор. Нужны были авторитетные рекомендации, чтобы человек к нам поступил, а, в принципе, мы

обычно брали тех людей, которые являлись учениками наших профессоров, которые работали в институте. Они были студентами, потом приходили к нам в институт. Эта практика себя оправдала. Когда люди поступали по такому конвейеру, все было в порядке. Никто не был уволен. Бывали, конечно, случаи, когда люди приходили под нажимом директивных органов, но им приходилось перестраиваться или уходить. Как известно, уволить человека труднее, чем нанять. Но при прохождении очередного конкурса Ученого совета мы договаривались и прокатывали их со счетом 17 — «против» и 2 — «за». У нас два раза это было, мы людей просто изгоняли, и должен сказать, что до сих пор атмосфера в этом смысле в институте сохранена. Мне кажется, что в Академии эта требовательность к стандартам, к высокой планке хорошо работает. У нас планка выше, чем в других учреждениях.

Эта атмосфера требовательности, которая существует в Академии наук, плодотворна, этот климат способствует тому, чтоб наука развивалась. Если же говорить о трудностях, то трудности у нас общие — не хватает денег, мы сейчас не можем привлечь к работе молодых людей. Есть молодые люди, которых позарез надо было бы взять. Если мы их не возьмем, они уйдут в другие места, могут уйти в коммерческие структуры. Все, кто к нам приходят, от нас уже не уходят, еще ни один человек не ушел. Но нам нужно пополнять регулярно штат молодыми сотрудниками и платить им достойную зарплату. Часто такой возможности не бывает.

Несколько лет назад у нас были большие трудности с изданием наших работ. В химии, физике, математике можно напечатать на трех страницах результаты многолетних исследований, и это может быть мировым открытием. А у нас обязательно монография, большая статья. Только после того, как появился Российский гуманитарный научный фонд, мы получили такую возможность, для нас открылись совершенно новые горизонты в публикации работ, мы стали издавать книги, сборники документов и т. д.

Я думаю, что будущее науки в значительной степени связано с материальными проблемами, хотя преданность науке и интерес сохранились, несмотря на все трудности, не только в той области, которой я занимаюсь, — а я участвую в заседаниях Президиума уже в течение трех лет и вижу, что Академия наук работает на уровне мировых стандартов. Поэтому я верю в Академию наук, я ей всем обязан от начала и до конца. Я говорил о людях, которые сыграли большую роль в моей жизни. Если же говорить об институтах, то, конечно, это прежде всего Санкт-Петербургский филиал Института истории, который потом стал филиалом Института российской истории, и Академия наук в целом.

Когда я начал работать в советских архивах, у меня возникла проблема с жильем. Я пошел к президенту Академии наук Юрию Сергеевичу Осипову (хотя тогда я еще не был членом Президиума, не был академиком-секретарем Отделения истории). Я объяснил президенту, что не могу жить в гостинице, не могу так работать. При работе в архиве у меня каждый час золо-

той, потому что не знаю — сегодня меня пускают в архив, а завтра этот фонд закроют... (некоторые фонды, с которыми я работал, сейчас снова закрыты), и президент мне сказал: «Я вам дам квартиру в ведомственном доме, это дом гостиничного типа». С 1993 г. я живу в этой квартире. Благодаря тому, что у меня есть квартира, я могу нормально работать. Сейчас каждый раз, когда я приезжаю в Москву на заседание Президиума, я работаю один день, полтора дня, а иногда и два дня, в архиве. Если посчитать за несколько лет, то это довольно внушительный срок.

— *Расскажите, пожалуйста, про свою семью, родителей, отца.*

Вообще я из потомственной семьи интеллигентов, мой дед — историк, он был воспитателем сына великого князя Романа Петровича, и когда происходило захоронение царских останков (я был в составе государственной комиссии), на церемонию похорон приезжал Николай Романович. Его отца воспитывал мой дед, и он это знал.

— *Тоже Фурсенко?*

Да, и до конца его (деда) дней у него стоял портрет Романа, молодого человека царских кровей. Одновременно дед преподавал в гимназии историю и латинский язык. После революции он продолжал преподавать латинский язык. Накануне войны он защитил кандидатскую диссертацию по русской истории XVIII в. При эвакуации из блокадного Ленинграда он скончался.

Отец был членом-корреспондентом Белорусской академии наук. Работал в Минске в 1951–1964 гг., потом переехал в Новосибирск, где заведовал лабораторией микропалеонтологии в отделе академика Б. С. Соколова.

— *У него благополучно сложилась судьба?*

Просто очень тяжелая. Он много работал и сравнительно рано умер — в 1975 г.

— *А Вашу книгу про нефть отец успел увидеть?*

Да, конечно, она была издана в 1965 г.

— *А Вы единственный ребенок в семье?*

У нас очень большая семья. Моя мать умерла через неделю после того, как я появился на свет, в результате родового сепсиса. Потом отец женился вторично. Две мои сестры — Маргарита и Наталья — живут сейчас в Петербурге. Мачеха страдала пороком сердца и в возрасте 32 лет, накануне войны, скончалась. Отец женился в третий раз на сотруднице своей лаборатории. Она для нас много сделала, чтобы пережить войну. Отец ушел в ополчение и почти всю войну пробыл в армии. В 1944 г. по приказу Сталина специалистов стали отзывать из армии, он вернулся домой и возобновил чтение лекций в университете и работу в Нефтяном геолого-разведочном институте. В 1951 г. он с новой семьей уехал из Ленинграда в Минск,

а потом в Новосибирск. Он решил оставить старших детей в Ленинграде. После войны у него было 6 детей; одна девочка в 1976 г. умерла от лейкемии, а все остальные, слава Богу, живы-здоровы! Вообще мы дружная семья. Это заслуга моего отца — он принял все необходимые меры, чтобы мы были сплочены, знали, что мы одна семья.

— *А Ваша личная жизнь, семья?*

Я женился на однокурснице Наталии Львовне Гольдиной. У нас двое сыновей. Старший — Андрей — доктор физико-математических наук.

— *Теоретик?*

Да, теоретик. Его диссертация была посвящена изучению газодинамических процессов математическими методами. Сейчас он возглавляет крупный Инновационный фонд. Мой младший сын, Сергей, по образованию электротехник, участвовал в подготовке запуска советского космического шаттла «Буран». Потом он сменил специальность и сейчас работает в телевизионной мастерской Игоря Шадхана.

— *А как Ваши увлечения лыжами?*

Лыжи? В прошлом году я ездил в Финляндию, там 6 дней катался на горных лыжах, хотя мне врач сказал: «Знаете, в вашем возрасте лучше не ездить». Это все-таки опасный вид спорта, но я успешно прокатался и очень надеюсь еще съездить в горы.

— *Вы преподавали?*

Я преподавал в университете три года, а потом бросил, потому что не смог совмещать исследовательскую работу с преподаванием.

— *Существует Ваша научная школа?*

У меня есть ученики. Один из них — профессор в Герценовском университете, он заведует кафедрой всеобщей истории; другой — директор филиала нашего института в Петербурге, он американец, специалист по внешней политике Соединенных Штатов конца XVIII века; третий недавно находился в Америке на полугодовой стажировке в институте Кеннена, и еще один — доктор наук — работает у нас в институте.

— *Хотелось спросить Вас подробнее о замечательном историке — Борисе Александровиче Романове...*

Мой коллега и друг Панеях Виктор Моисеевич написал книгу, большую книгу — 20–25 листов. Она будет скоро издана.

— *Борис Александрович был учеником А. С. Лаппо-Данилевского?*

Он был учеником А. Е. Преснякова, он всегда считал себя учеником Преснякова, хотя был очень тесно связан и с Лаппо-Данилевским.

— *В свое время мне очень понравилась Ваша статья о Б. А. Романове в «Вопросах истории» за 1989 год...*

Это вообще лучшее, что я написал в своей жизни — о своем учителе...

— *И там меня совершенно потряс опубликованный Вами фрагмент письма Б. А. Романова от 11 января 1949 г., в котором он под впечатлением кампании, развернувшейся против С. Н. Валка и Е. В. Тарле, обвиненных в космополитизме, писал: «Удар по С. Н. [Валку] неожиданен (как и упоминание о Тарле). Возможно, что в связи с болезнью все это нагоняет мрак на душу. Но думаю, что историческое чутье мне не изменяет, когда я угадываю во всем происходящем такой новый этап, который подразумевает наш досрочный конец. Хоть и очень мало нас осталось, но мы явно мешаем, и нам приписывается смертный приговор. Вот уж не сумели вовремя помереть». Через некоторое время в письме от 30 января он писал: «“Улица” висела надо мной всю жизнь, мне казалось последнее время, что не так уж висит; сейчас она повисла заново в освеженном теоретически и практически проветренном виде, “обоснованном” с точки зрения “общественного” блага — под титулом “собаке” собачья смерть» (Фурсенко А. А. О жизненном пути Б. А. Романова // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 159). По-моему, это самый «говорящий» текст о конце 40-х гг., самой мрачной эпохе, которую когда-либо переживала отечественная интеллигенция. Буквально в эти же дни, когда писалось это письмо, проходила в Ленинграде в торжественной обстановке под руководством президента С. И. Вавилова специальная выездная сессия Общего собрания Академии наук, полностью посвященная истории отечественной науки, открывался Музей Ломоносова. Сессия предполагалась быть разгромной, аналогичной тем идеологическим кампаниям, что уже прокатывались по нашей науке, но получилось несколько иначе. Любопытный контекст, не правда ли? Мне показалось, что потом в Вашем предисловии к книге, посвященной столетию Б. А. Романова, этот фрагмент из письма исчез...*

Наоборот, я дополнил статью. Кроме того, в ней я попытался ответить на вопрос: что такое школа Романова?

— *А Полетика, почему он потом покинул Ленинград? Он ведь уехал в Ташкент, потом в Минск...*

А потом эмигрировал. Да. Он был очень независимым, неуживчивым человеком. Он уехал из Белоруссии, потом эмигрировал... Умер в Швеции.

— *А он не потомок Григория Андреевича Полетики, который в XVIII в. был переводчиком при Академии наук?*

Да, конечно, он самый. Он вообще был очень славным человеком. Мне повезло, что у меня были такие учителя. Мы учились, когда в университете преподавали корифеи, классики исторической науки. Я слушал лекции

Тарле и Струве. Они читали нам на первых курсах. Я застал еще настоящих крупных ученых, которые составили славу отечественной исторической науки.

— *А каковы Ваши ощущения от 40-х гг., тех лет, когда Вы учились в университете и проходили аспирантуру? Я понимаю, что это были годы юности и они всегда в памяти запечатлеваются как самое прекрасное время.*

Во-первых, я не все понимал. Но однажды, придя на семинар, я узнал, что арестован М. Б. Рабинович, у которого я слушал спецкурс по истории внешней политики. Михаил Борисович скончался год назад, он выпустил замечательные воспоминания. Мы издали серию воспоминаний петербургских ученых-гуманитариев И. М. Дьяконова, М. Б. Рабиновича, В. А. Мануйлова. Затем мы выпустили дневник И. И. Толстого, бывшего петербургского головы, и затем А. Н. Болдырева «Осадная запись». Сейчас собираемся выпустить дневники А. Г. Манькова, нашего сотрудника, написанные им очень откровенно в 30-е годы.

— *Большое спасибо за беседу и Ваш интересный рассказ.*

Беседу вел С. С. Илизаров